

К Р О К О Д И Л

K-556/43r

ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Рис. М. Черемных

МАРС (бог войны): — Провалились, господа, по всем предметам!

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ЖЕНЕВА. Здесь стало известно, что в Берлине ещё несколько месяцев назад организован «Синьякошпикенконцерн» акционерного о-ва А. Гитлер и X° (холуй). Пайцжжж уже приступили к делу между собой.

БУХАРЕСТ. Наднях Антонеску посетил Ботанический сад. Присутствующие обратили внимание на то, что его превосходительство, не обращая внимания на другие виды растительного мира, смотрел только в кусты.

СТАМБУЛ. Как известно, некоторые румынские учёные утверждают, что в своё время на юге России проживали предки нынешних румын. Последние раскопки, произведённые русскими в районе Херсона, обнаружили два могильника. В этих могильниках предков не оказалось, но зато найдены две дивизии потомков.

БЕРЛИН. Корреспондент одной иностранной газеты обратился к Гитлеру с вопросом, какого он мнения по поводу декларации Московской конференции об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Гитлер пока ничего не ответил. Но есть все основания полагать, что в недалёком будущем он ответит!

БЕРЛИН. Опубликован приказ Гимmlера, предупреждающий рожениц о том, что если их младенцы при появлении на свет позволят себе пищать, то этот писк будет квалифицироваться как пессимизм и уныние и новорожденные будут привлечены к ответственности по законам военного времени.

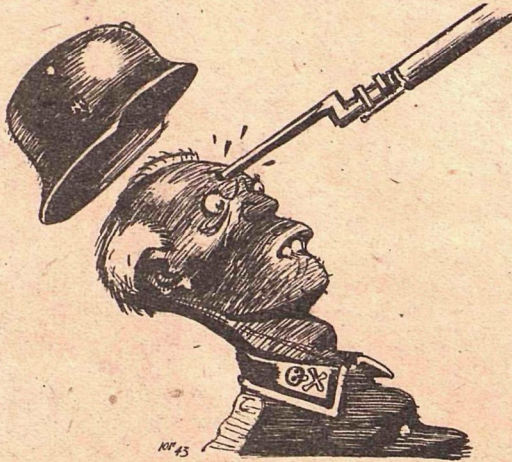
Рис. Г. Валька

В огороде у фрау Шульц бузина...

НЕ ДО ЖИРУ, БЫТЬ БЫ ЖИВУ

Рис. Ю. Ганфа

Раньше фриц мечтал о мировом господстве, но сейчас его голова не тем занята.

РЕЧЬ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА, ПРОИЗНОШЕННАЯ ИМ НАДНЯХ В ОДНОМ ИЗ САМЫХ АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ БОМБОУВЕЖИЦ БЕРЛИНА

«Господа! (Я надеюсь, нет возражения Против этого выражения? Да? Правда, мы уже не господа положения, Но по положению мы господа!) Итак, господа, я имею честь Открыть интимное это собрание, Чтобы в компании нашей учсть Итоги блестящей нашей кампании. Не скрою: есть маловеры и нытики, Которые шепчут на всех углах О безумьи и тупости нашей политики, Но разбить эти басни нетрудно впрах. Нам легко ответить таким элементам, Их убедить и решить этот спор Простым, но убедительным аргументом, Завушимся в общежитии «топор».

Господа! (Я надеюсь, что едва ли Оправдать этот термин стоит труда! У нас есть ещё квислинги, есть лавали, А раз есть лакеи, — значит, мы господа.) Итак, господа, прошу внимания! Я выступаю, желаньем влеком, Доказать, что все свои обещания Я выполнил полностью и целиком.

Я покончить с Москвой обещал? Не скрою! Я это помню сам, как сейчас. И что ж? Посмотрите! Разве с Москвою Навеки не кончена всё для нас?

Я обещал вам твёрдо и честно Из-под Сталинграда не двинуться с места. Кто ж посмеет меня упрекать во лжи? До сих пор моя армия там и лежит.

Я, кажется, чуть ли ещё не вчера (Прошу вас факт этот тоже отметить!) Обещал, что ни Дона, ни Днепра Я не отдам ни за что на свете. Я построил за валом мощный вал И гордо скажу, не вдаваясь в детали: Ни Днепра, ни Дона я не отдавал. Да, да! Их русские сами взяли.

Я обещал уничтожить врагов. И что же? Прошу, подсчитайте ныне, Сколько сотен враждебных голов Слетает за сутки в одном Берлине. Это значит — по части тотальной войны Я также выполню все обещанья: Её методы мной будут применены Буквально — тотально ко всей Германии! Я надеюсь, что это моё заявление Успокоит навеки немецкую нацию!

(Бурные знаки отступления, Переходящие в протрацию.)

Стенограмму правил
Ник. АДУЕВ

И ШУМИТ И ГРЕМИТ...

(ПАРТИЗАНСКАЯ БЫЛЬ)

ПРОИСШЕСТВИЕ в отряде: патефон исторчился, шуметь начал.

Партизаны решили: устал патефон, ему нужен отдых, но не в лесу, а в городе. Товарищ Василь внёс предложение: подарить патефон немцам — соседям из гарнизона местечка Любань. Командир отряда одобрил предложение.

В один прекрасный день патефон был тщательно подготовлен к торжественному вручению фрицам. Уложили его в повозку, в которую запрягли захудалую и престарелую лошадежку. Рядом с патефоном в повозку уселся Василь.

Поехали. Уныло и медленно шагала лошадь. Вот уже в предутреннем тумане показалось предместье Любани. А ещё немного погоды навстречу Василию откуда-то из-за угла вышла группа немцев, человек тридцать, что ли.

Решив, что это и есть делегация для приёма музыкального подарка, Василь направил лошадь прямо на ту улицу, по которой шли немцы, а сам спрыгнул с повозки и был таков.

Лошадёнка, ничего не подозревая, продолжала шагать. И вот наступил момент, когда немцы увидели патефон и, тоже ничего не подозревая, бросились открывать его.

Операция была проделана удачно. Инструмент взорвался от радужной встречи. Девять гитлеровцев, получив музыкальное удовольствие, на месте отдали богу душу. Более пассивные музыканты держались за животы, руки, ноги, головы и прочие искалеченные части тела.

Надо отдать справедливость Василию: патефон был хорошо заминирован.

После этого в отряде говорили, что некоторые патефоны не только шумят, но и гремят.

Павел КОВАЛЕВ

Белоруссия.

В БЕРЛИНЕ

— По-моему, фюрер до сих пор верит в победу Германии...

— Тсс!.. Услышит гестаповец — не поздоровится нам!

— За что же?!

— За то, что считаете фюрера таким дураком.

...а в Киеве дядька (убитый).

Семейный портрет

В комнате стоял большой обеденный стол. Но обеда не было. Не такое сейчас время — хейль Гитлер! — чтоб кормить гостей, даже близких родственников.

Сегодня у Мюллеров что-то вроде семейного торжества. Папаше Мюллеру стукнуло...

Точнее сказать, папашу стукнуло. Это было месяц назад.

Это было в один прекрасный вечер, когда в результате не совсем нежного прикосновения фугаски к крыше дома упавшая балка несколько повлияла на сюртук, настроение и здоровье герра Мюллера.

В связи с выздоровлением пострадавшего и благополучным окончанием ремонта сюртука родственники и собрались у Мюллеров.

Присутствовали: виновник торжества, жена виновника, глухая мать виновника, дядя Петер, тётя Марта, племянница Клара, муж племянницы Гуго, и чей-то двоюродный брат — молодой и хромой Вилли, парень с острым глазом и фотографическим аппаратом.

Сначала долго молчали. Не знали, о чём сейчас ещё можно говорить. Было очень весело. Тётя Марта протяжно зевнула.

Дядя Петер тихо посоветовал ей:

— Не забудь закрыть рот.

«Вот как! Выражает запрещённые правительством пессимистические мысли...»

Глухая бабушка решила принять активное участие в завязавшейся беседе:

— А? Что? Я тоже говорю: фюрер знает, что делает.

«Эта глухая тетеря — самый зловерный агитатор».

— Да, — вмешалась в разговор племянница Клара, — много сейчас этой самой... эластичной обороны... Хотела бы я знать, что с моим братом Генрихом? Я ему писала, писала...

«Запишем: племянница — маловер».

— А? Что? — оживилась глухая. — Сало? В Полтаве, говорят, хорошее сало...

— Уже! — шопотом сказал Гуго, наклонясь к дяде Петеру. — Уже!

— Что уже? Это ты насчёт полтавского сала?

— Нет. Насчёт Генриха. Он — уже. Сегодня днём получал сообщение. На Днестре.

— На левом или правом берегу?

— На обоих. На левом — оторвало правую ногу. На правом — левую ногу.

На снимке (слева направо): Гуго, муж племянницы, — паникёр; племянница Клара — маловер; бабушка — пораженец; дядя Петер — шептун; тётя Марта — нытик; папаша Мюллер — распространитель слухов; мамаша Мюллер — пессимистка; сын Карл (висит на стене) — оптимист.

Фотомонтаж А. Житомирского

«Ага! — подумал хромой Вилли. — Этот дядя Петер — типичный шептун. Понятно, куда он гнёт: сейчас, мол, немцу и рта нельзя раскрыть».

Тётя Марта обиженно закрыла рот и сказала:

— И! того нельзя и этого нельзя. Сиди весь вечер с постной рожей.

«Тётя — нытик», — заметил про себя хромой.

— А? — встрепенулась глухая бабушка. — Кто сказал про Запорожье? Опять, что ли?..

«А эта бабушка — ярко выраженный пораженец...»

— Ох-ох-ох! — тяжело вздохнул хозяин дома.

«Гм... Старик распространяет ложные слухи...»

Фрау Мюллер, воодушевлённая односложной репликой супруга, подняла глаза на портрет сына:

— Бедный Карл! Больше не пришлёт он нам посылки. Убит в Мелитополе...

— Какая путаница! Он ещё жив?

— Мог остаться в живых, если бы ему вдобавок не оторвало голову.

— Да, насколько я его помню, парень действительно имел голову на плечах...

«Этот Гуго — паникёр», — подумал хромой Вилли. А вслух он бодро и весело сказал:

— Господа! Разрешите мне запечатлеть на плёнке наше трогательное семейное торжество. Идёт? Прошу не делать весёлых лиц. Это неестественно...

Снимок наредкость удался. Короче говоря, начальник гестапо отметил инициативу Вилли.

Этот снимок типичной немецкой семьи, сделанный хромой Вилли, и его примечания под снимком мы и помещаем здесь, на этой странице.

Г. РЫКЛИН

Рис. Бор. Ефимова

АНТОНЕСКУ, ХОРТИ и К^о: — На повестке дня один вопрос: караул!!!

ДОСАДНАЯ ОПЕЧАТКА ✓

В Н-СКОЙ ЧАСТИ есть известный разведчик Глазков. Он за последнее время привёл 29 «языков». Расскажем об одном из них.

— Ну как прошла операция? Удалась вам? — спросили мы Глазкова.

— Удалась, да не совсем.

— То есть как?

— А вот так, как бывает у вас, редакторов: пишете статью, а назавтра заметочка, — дескать, вчера нами допущена досадная опечатка.

Пронюхали мы, что в тылу у немца, в двадцати километрах от фронта, живёт немецкий генерал. Ну, и решили взять его. Пошли туда. Не буду говорить, как мы его охрану сняли; дело было, конечно, трудное, но мы в потёмках сладили с ней. Вхожу я с группой захвата в сени, прислушиваюсь — слышу, вода плещет. Открываю дверь в избу, а там посерединке большая оцинкованная ванна стоит, а в ванне пузатый, лысый, пожилой из себя немец. На столе

немецкая свеча, и всякие штуки немецкие, и папка с бумагами тоже немецкая, а на стене висит генеральский мундир, выглаженный, готовый точно для парада.

«Ну, — говорю, — нам некогда, давай одевайся». Немец обомлел. Я автоматом делаю ему предложение. Генерал видит, делать нечего, вылезает из ванны. Я снимаю со стены мундир и помогаю его, мокренького, одевать, поскольку спешу. Генерал неохотно лезет в штаны и что-то балакает на своём наречии.

Привели его в часть на рассвете. В батальоне увидели нас с пленным генералом, диву даются и не знают, как нас похвалить, и по телефону сообщают командиру дивизии. В дивизии приняли у меня генерала на допрос. Командир дивизии спрашивает:

— Ваша фамилия, генерал?

— Вернер. Только, извините, я не генерал.

— Не генерал? Кто же вы?

— Я всего лишь повар генерала. Генерал, видите ли, выехал по делам. Пользуясь его отбытием, я принимал ванну. Меня ваши насильно одели в парадный мундир генерала.

Командир дивизии внимательно взглянул в лицо пленного и заметил в нём что-то такое поварское. Они, знаете, бывают рыхлые от жирных паров. Ну и порылся командир в захваченных бумагах, нашёл фотографию генерала, видит — непохож. Понятно, рассмеялся, а потом шути пожурил меня.

— Ну и генерала вы мне, Глазков, привели! — говорит. — Настоящий генерал кислых щей.

— Вот какие досадные опечатки бывают иногда у нашего брата-разведчика, — заключил Глазков свой рассказ.

В. АПРЕСЯН

Действующая армия.

А счастье было так близко...

(Из дневника уворованного цезаря)

18 ИЮЛЯ 1943 ГОДА. Что делать? Всё потеряно. Я скрываю это от всех, но все это знают. На Адольфа нечего рассчитывать. У него самого дела плохи. Неужели конец? Третью ночь не спал. Нерон сказал: «Какой великий актёр погибает!» — и бросился на меч... Неужто броситься? Нет!

20 ИЮЛЯ. Пятую ночь не сплю. Боюсь каждого шороха. Потерял аппетит... Но что аппетит, когда я потерял Италию! Что делать, когда нечего делать? Страшно!

23 ИЮЛЯ. Такая жизнь невыносима. Не сплю, не ем, не нахожу места. Всюду мерещатся заговорщики, убийцы. Потерял за одну неделю пять кило. Что делать?!

25 ИЮЛЯ. Находясь под свежим впечатлением возмутительного поступка... (Зачёркнуто.) Вчера я стал жертвой возмутительного насилия... (Зачёркнуто.) Приехав во дворец к королю, я был подвергнут возмутительному... (Зачёркнуто.) Меня украли. Повидимому, это Бадольно спёр меня. В газетах сказано, что я подал в отставку. Ложь! Не я подал, а меня подали... Протестую! Воображаю, какой шум в газетах мира! Не могу писать от бешенства...

1 АВГУСТА. Вокруг тишина и спокойствие. Начинаю приходить в себя. Спрашивал конвойного офицера: «Что пишут обо мне в газетах?» Он говорит: «Ничего не пишут». Сик транзит глория мунди! Так проходит слава мира! Третью ночь сплю спокойно.

5 АВГУСТА. Начинаю привыкать к своему положению. Что же, побыл в дучах двадцать лет, пора и на покой. Цинцинат тоже знаменитый был, а удалился в деревню и стал сажать капусту. Это даже хорошо, что меня украли. Забот меньше. Пожалуй, и забудут обо мне, когда окончится война и начнут судить виновников. Ну чего, скажут, этого старичка судить? Пусть сажает капусту.

10 АВГУСТА. Вскопал грядки. Посажу цветную капусту, картошку и морковь. Взвешивался сегодня: прибыло два кило. Жандармы говорят: «Какой у вас цвет лица здоровый!» Естественно: всё время на воздухе, и никаких забот. Всегда любил деревенскую жизнь.

15 АВГУСТА. Спал прекрасно. Работал на огороде: После войны буду хлопотать, чтобы поселили на каком-нибудь острове... А Гитлеру, хе-хе, крышка!

25 АВГУСТА. Вчера страже по талону выдавали макароны, а мне не дали. Это безобразие! Жаловался капитану на возмутительное отношение к человеку, который никого не обижает и мирно занимается своей капустой... Молодой офицер намекал мне вчера, не хочу ли бежать. Ни за что! Мне и тут хорошо.

31 АВГУСТА. Работал на огороде. Вечером читал Вергилия «Буколики». С аппетитом пообедал... Жизнь хороша! Белла герант алии! Пусть другие ведут войны, — ты, счастливый Бенито, сажай капусту!

10 СЕНТЯБРЯ. Мирное и благоденственное житие. Толстею.

15 СЕНТЯБРЯ. Находясь под свежим впечатлением возмутительного поступка... (Зачёркнуто.) Вчера я стал жертвой возмутительного насилия... (Зачёркнуто.) Я полон в своём огороде, когда был подвергнут возмутительному... (Зачёркнуто.) Меня украли. Я сопротивлялся. Я сказал, что не хочу быть дуче! Ничего не помогло. Прощай капуста, я снова дуче. Что будет?

18 СЕНТЯБРЯ. Когда меня втолкнули в комнату, Адольф сказал: «А, старый хрыч, здорово! Как поживаешь?» Я ответил: «О, великий фюрер! Отпусти меня, верни меня к моим мирным деревенским занятиям. Мне милее шалаш, чем дворец...» Но он сказал: «Оставьте ваши штучки! Хочешь отвертеться? Не выйдет. Вместе воевали, вместе отвечать будем. Нет, ты мне ещё нужен...» Я просил: «Отпусти меня, фюрер! Какой же я теперь дуче? Грош мне цена». Но он закричал: «Молчать! Этак все разбегутся капусту сажать, а я за вас всех должен в петлю лезть! Марш!»

10 ОКТЯБРЯ. Что делать? Пятую ночь не сплю. Потерял аппетит: Из головы не выходит суд народов... А может быть, смилуются и только на остров сошлют? Нет, не смилуются! О, моя капуста!

20 ОКТЯБРЯ. Вчера незаметно вышел из дому и ходил по площади: а вдруг украдут? Никто не украл. Потерял пять кило.

3 НОЯБРЯ. Вчера вызвали к Адольфу. «Что, дрожишь?» — спрашивает. «Дрожу, — говорю, — что будет, — спрашиваю, — со мной?» «Что будет, — говорит, — со мной, то будет и с тобой».

5 НОЯБРЯ. Сочинял прошение будущим судьям. «Прошу принять во внимание, — говорю, — что я не сам свой, а я краденый. Я капусту сажал, как Цинцинат... Я больше не буду дучем, лопни мои глаза, больше не буду!» Нет, не поверят!

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

БАСНЯ

Известный плут и сумасброд,
Чтобы с расходом свесть приход,
В своём хлеву устроил стрижку:
Две шкуры он содрал с вола,
Остриг барана дотола,
Взяв голову его подмышку.
Когда же бритвы острый нож
Коснулся вновь барана голого,
Раздался голос: «Ты стрижёшь
Уже не шерсть мою, а голову!»

Таков же результат печальный
«Мобилизации тотальной»!

С. МАРШАК

ПО ДОРОГЕ НА ВОЙНУ

Есть же девушки на свете,
Поглядишь — и ты в плену.
Нам пришлось такую встретить
По дороге на войну.

У крыльца она сидела,
Так задумчиво светла.
Увидав такое дело,
Мы спросили:
«Как дела?»

«Ничего», — она сказала,
Улыбнулась только раз,
Но тепло на сердце стало
После этого у нас.

Золотую свою косу
Чуть поправила она,
И забыл про папиросу
Сам товарищ старшина.

И хотя привал короток,
Каждый вытер свой значок...
Все одиннадцать пилотов
Стали больше набочок...

Не хотелось торопиться,
Но сидеть приказа нет...
— Ну, до скорого, сестрица!
«До свиданья!» — был ответ.

Вот и всё, что мы сказали
На прощанье у крыльца...
...Но, как будто на вокзале,
Что-то тронуло сердца.

Вышли в поле мы, а там уж
Вдруг запел товарищ мой:
«Не спешите, девки, замуж,
Мы воротимся домой!»

Сергей СМЕРНОВ

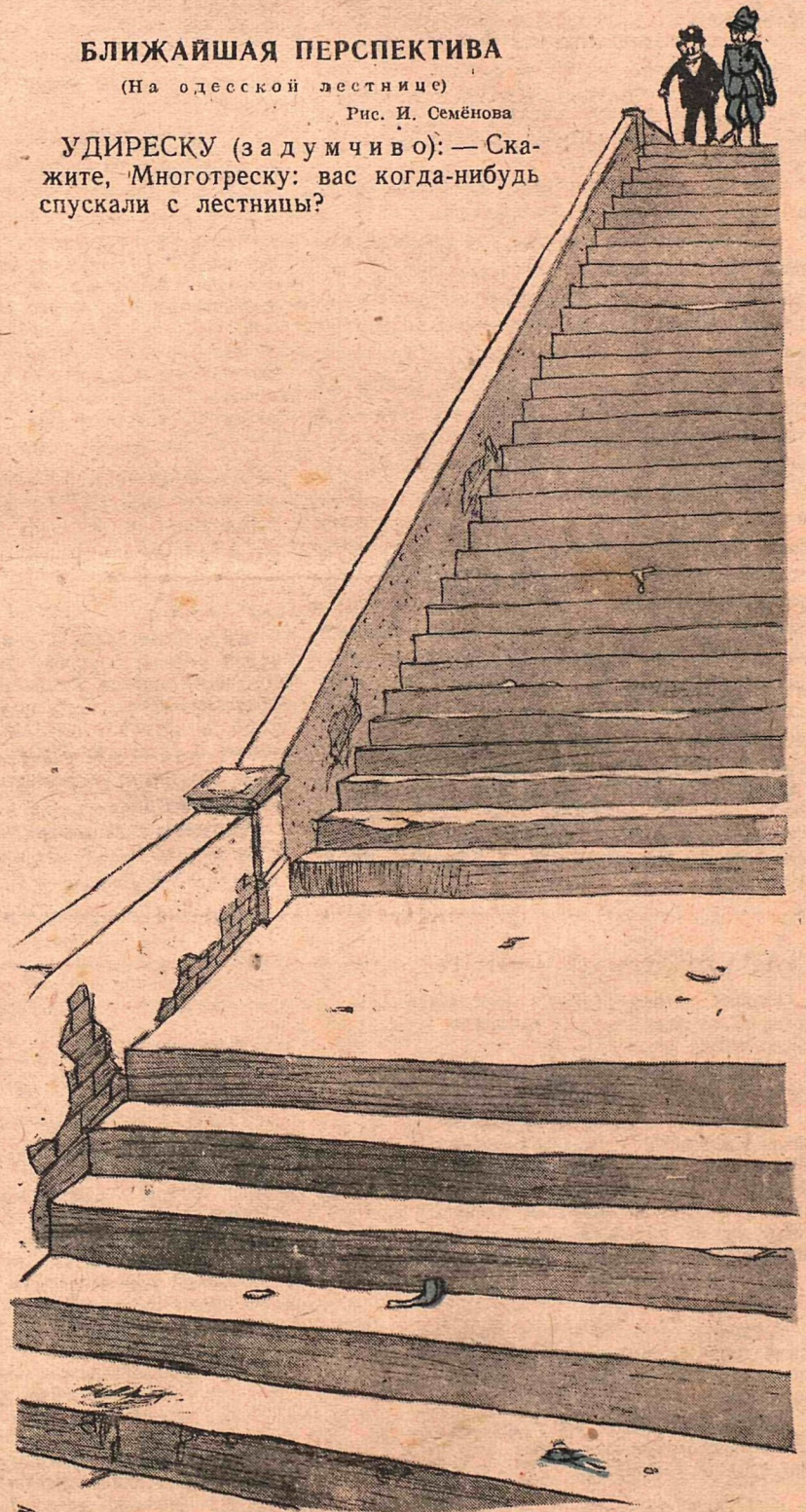
Действующая армия.

БЛИЖАЙШАЯ ПЕРСПЕКТИВА

(На одесской лестнице)

Рис. И. Семёнова

УДИРЕСКУ (задумчиво): — Скажите, Многогреску: вас когда-нибудь спускали с лестницы?

Трудный характер

ХАРАКТЕР у Капитолины Антоновны всегда был трудный. Ей казалось, что люди — это сплошь обманщики и дуны.

Поэтому она всегда «держала ухо остро» и в любых самых невинных людских словах и поступках видела скрытый тайный смысл.

Скажет ей соседка:

— Здравствуйте, Капитолина Антоновна! Какой нынче вечер хороший!..

А Капитолина Антоновна уже насторожилась и сосражает:

«Сейчас деньги будет в долг просить».

И, поджав губы, — соседке:

— Вам он, может, и хороший, а мне с моими недостатками он очень даже плохой!..

Соседка видит: разговор не получается, возьмёт и уйдёт.

А Капитолина Антоновна рада:

«Не прошёл твой номер, голубушка!»

...Сейчас Капитолина Антоновна сидит у себя в комнате, штопает носки и жалуется знакомой старухе Липухиной на своего сына, пятнадцатилетнего Серёжку, которого она подозревает в отсутствии сыновних чувств.

— Если танки делает на заводе, — это ещё не причина, чтобы меня не уважать! — говорит она, глядя на рваную пятку носка поверх очков. — Не танк его девять месяцев под сердцем носил, а я!

Старуха Липухина сейчас же бурно соглашается с Капитолиной Антоновной:

— Да разве они способны на родительское уважение, Капитолина Антоновна, милая! Зверушка есть такая, млекопитающая, из зайцев он, только фамилие ему — тушканчик. Люди, которые его видели, говорят, будто он весь насквозь шерстяной. Сердце, говорят, и то у него мохнатое — на кашне идёт. Вот и у нынешних ребят сердца, я считаю, тоже мохнатые, как у этого тушканчика! А внука моего возьми! Шестнадцать лет парню, выше меня ростом, учится на художника, а ко мне тоже никакого уважения. Третьего дня прихожу, он посмотрел на меня, говорит: «Ну-ка встаньте к свету». Я встала, как дура. Он и сказал: «Ого! А ведь вы для меня типаж!» Я так и села. «Я, говорю, для тебя родная бабука, а не типаж!»

Капитолина Антоновна сочувственно кивает ей головой, но продолжает говорить о своём:

— На заводе он стахановцем считается, его Сергей Степановичем называют. Я ничего не имею, пускай называют, раз заслужил. А дома он для меня — Серёжка! Хоть у него и рабочая, первой категории, а у меня — иждивенческая.

— Получку-то он хоть домой приносит? — интересуется старуха Липухина.

— Приносит!.. Всё мне отдаёт!..

— Ну это до поры до времени. Пока краля себе не завёл.

— Что ты, Савельевна! — ужасается Капитолина Антоновна. — Ему же пятнадцать годов всего!..

— Они на года не смотрят — тушканчики эти, нынешние-с!.. Водку пьёт?..

— Боже упаси!.. Не замечала, чтобы баловался!

— Наверное, зашибает втихомолку!..

— Он, главное, молчит, когда я его пробираю — вот что! — жалуется Капитолина Антоновна. — Я его и так ругаю за неуважение, и так! А он молчит, как змей!.. На той неделе до того его ругала — аж из сил выбилась, пар от меня пошёл, как от лошади, когда она на горку воз тянет!.. Думаешь, пожалел он мать, что она устала, поругавши?!.. Ничуть!.. Только сказал: «Охота вам, мамаша, зря расстраиваться». По всему видать, смеётся он с меня!..

— Где он сейчас-то?..

— Давно пора ему с завода придти, а вот — нет!.. А тут — сиди, беспокойся!..

— В кино, поди, подался!.. Они родную мать на кино поменяют. Тоже, вот, пришла я ко внуку. Только — в дверь, он — за шапку. «Некогда, бабушка. Жди меня!» И убежал, как оглашенный. Я час сижу — его жду, второй, третий. Наконец, является. «Вы ещё здесь, бабушка?» — «Ты же сказал: «Жди меня» — «Вот я и жду!» Он упал на диван и давай хохотать: «Я, говорит, на картину спешил, называется «Жди меня!»

Так они долго сидят и говорят, и чувство обиды на сына у Капитолины Антоновны всё растёт.

Наконец, Капитолина Антоновна слышит знакомые шаги в сенях и привычно поджимает губы:

— Явился!..

Входит Серёжка. Он маленького роста и в своей ватной спецовке до колен и тяжёлых мужских сапогах выглядит совсем мальчиком. Подмышкой у него полученный в пекарне хлеб, в другой руке какой-то свёрток, завернутый в газетную бумагу.

— Почтение! — солидно говорит Серёжка и снимает ватник.

Капитолина Антоновна зловеще молчит.

— В кин, поди, были? — ехидно спрашивает старуха Липухина. — «Жди меня» глядели?..

— В промтзаварный зашёл, — серьёзно, не замечая старухиного ехидства, отвечает Серёжка. — А там кофты давали.

Он разворачивает бумагу и даёт матери шерстяной джемпер, тёмнозелёный, в клеточку, с красивыми коричневыми большими пуговицами.

Ахнув, старуха Липухина выхватывает из рук у Капитолины Антоновны серёжкин подарок, ощупывает его, обнюхивает — чуть не облизывает и, наконец, торжественно объявляет:

— Чистая шерсть!.. Господи, уж не тушканчиковая ли?..

— Спасибо! — сухо говорит Капитолина Антоновна, а сама думает: «Это он задабривает меня!.. Что-то такое, видно, натворил!»

Отказавшись от ужина, Серёжа идёт в угол за печку, где стоит его кровать, снимает сапоги и ложится. Торопливо попрощавшись, старуха Липухина уходит.

Проводив её, Капитолина Антоновна берёт красивый джемпер, рассматривает его, и сердце её, огрубевшее от жизни, постепенно теплеет. Дело не в том, что джемпер хорош, — дело в том, что это первый серёжкин подарок ей, купленный на его, серёжкины, честным трудом заработанные деньги. Господи, а ведь ещё, кажется, только вчера он носился по двору с салазками, и всегда у него были мокрые валенки и из-под шапки вылезала смешная белобреская косичка!..

Капитолина Антоновна вспоминает всю свою жизнь, покойного мужа, и чувство горячей неудержимой любви к сыну охватывает её со всепоглощающей силой.

«Вот дрянь какая, старуха эта Липухина! — думает Капитолина Антоновна. — Пришла и начала точить, как жаба какая!.. Для чего ей надо было на Серёжку клепать?.. Это она неспроста!»

Она поспешно идёт за печку к Серёжке, чтобы хорошенько выругать ехидную старуху Липухину и вместе с сыном разгадать её зловерные козни, но Серёжка уже спит.

Он лежит на спине и тихонько посапывает носом. Он ворочается, крихтит и вдруг горячим шопотом быстро говорит:

— Детали давай!.. Где детали?..

С невыразимой нежностью смотрит Капитолина Антоновна на спящего сына. Потом снимает с вешалки своё пальто, покрывает Серёжку и шепчет:

— Спи, Сергей Степанович! Спи!..

Леонид ЛЕНЧ.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ЮМОР

Старая голландка была арестована и предана суду за слушание лондонских радиопередач.

— Зачем вы это делали? — спрашивает её судья.

— Как же, ваша честь, — ответила женщина. — Ещё в октябре 1940 года Гитлер обещал, что будет в Лондоне. С тех пор я слушаю Лондон каждый день. Мне бы не хотелось пропустить выступления фюрера!

* * *

Однажды ночью в Праге чешский полицейский заметил человека, который что-то писал мелом на стене.

Подойдя поближе, он увидел на стене написанные по-чешки слова: «Долой Гитлера!»

Рис. В. Прокурова

Брось утопающему!

Возмущённый полицейский заорал на своего земляка:

— Дурак! Разве ты не знаешь, что все общественные объявления нужно писать сначала по-немецки, а потом по-чешски?

* * *

Квислинг устроил в Осло парад молодых фашистских балбесов.

Никто из норвежцев не захотел присутствовать на этом «торжестве», кроме одной старушки. Она стояла и внимательно вглядывалась в лица участников парада.

— Зачем вы приветствуете этих подлецков? — спросил её один из местных жителей.

— Я отдаю дань уважения моим мальчикам.

— Вы их знаете?

— Как же! Я двадцать пять лет служила надзирательницей в уголовной тюрьме.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

ВАНЕЧКА пришёл из школы сердитый, как бес:

— Директор обещал меня исключить, если ты, говорит, не перестанешь курить и грубить.

Мамочка схватила себя за височки:

— Батюшки, что ж теперь делать-то! Папочка, ты бы сходил к директору. Ведь надо же этот вопрос как-то урегулировать! В случае чего ты ему намеки, что ты, дескать, заведешь химической чисткой, так что, если там какое-нибудь пятнышко вывести, так — пожалуйста! — с удовольствием.

— Какие ещё у него пятнышки! — пробасил Ванечка. — Никаких у него пятнышков нету.

— Действительно, неприятная история, — сказал папочка. — А может быть, лучше его в некото-

ром роде пострадать? У меня, мол, свояк в очень высоком месте работает. А? Право, не знаешь, что делать...

Папочка вернулся из школы сердитый, как бес:

— Директор сказал, одно только есть верное средство, чтоб не исключили.

— Ну?!

— Чтоб Ванечка перестал курить и грубить.

Мамочка схватилась за височки:

— Батюшки! Как же теперь быть? Папочка, ты бы сходил на двор, поискал Ванечку. Ведь надо же этот вопрос как-то урегулировать. Может быть, пообещать бы ему чего-нибудь или уж пострадать, что ли?

Папочка тяжело вздохнул:

— Да... Право, не знаешь, что делать.

В. КАРБОВСКАЯ

ОБИДЕЛСЯ

Рис. К. Елисева.

— Как можно так сквернословить при женщинах!

— Во-первых, это не женщины, а моя жена и свояченица, а во-вторых, не вмешивайтесь в семейные отношения.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Я разыскивал свою семью и трижды запрашивал Ростовское адресное бюро. На первые два моих письма ответа не последовало. На третье — пришёл ответ за подписью начальника бюро лейтенанта милиции Скорняковой, что, мол, такие-то в Ростове не значатся. Тогда я послал четвёртое письмо, знакомым, — они быстро и легко обнаружили моих родных по их старому адресу.

В каком же случае адресное бюро поступило правильнее: когда оно мне ответило или же когда вовсе не отвечало, а следовательно, и не вводило меня в заблуждение?

В. ТИТАРЕНКО

ППС 16659 Д.

Дорогой Крокодил!

Вот уж действительно без меня меня женили. И женил не кто иной, как Череповецкий райвоенкомат. Произошло это радостное

событие при следующих обстоятельствах. Написал я с фронта в Череповецкий райвоенкомат письмо, в котором просил обеспечить мою старушку-мать на зиму дровами. На что получил любезный ответ: не беспокойтесь, жена ваша дровами обеспечена.

Женат? Вот новость! Так поскорей же собщи, райвоенкомат, какая у меня жена: блондинка или брюнетка, худая или полная, молода ли, как зовут? И обязательно накажи ей, чтобы она не в пример тебе позаботилась о моей матушке.

В. ПИЧУГИН

ППС 42070.

Дорогой Крокодил!

Мне доподлинно известно, что моей матери 66 лет. Но с недавних пор из писем родных я узнал, что моя старушка вдруг помолодела, и ей теперь не 66, а 57 лет. Не успел я выразить своё изумление, как на меня свалилась очередная новость: моей матери стало 47 лет.

Если бы речь шла о посторонней женщине, я бы на этот факт и не обратил внимания, но кто бы мог подумать, что моя родная мать на старости лет станет такой кокеткой! В сердцах я так и написал матери: одумайся, мол, — ведь люди тебя подымут насмех.

И что же? Получаю от матери ответ. Оказывается, 9 лет ей скинуло управление по государственному обеспечению семей военнослужащих г. Белова, Кемеровской области, при определении пенсии. А затем произвёл опера-

ИЗ ЦИКЛА ПОРТРЕТОВ «НЕ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рис. В. Горяева

«СТРАДАЛИЦА»

— Пожалуйста, не поворите мне про службу! Вы думаете, мне приятно здесь торчать? Мне просто где-то закрепиться было нужно, чтобы паёк приличный получать. Друг Софочки меня устроил на работу, здесь окупа адова... Но всё же я жива! А то теперь, вы знаете, в два счёта мобилизуют и бросят на дрова! Что я тут делаю? Часами изнываю: кругом ни одного приятного лица. Сижу, как истукан, страдаю, злюсь, зеваю, по телефонам плаюсь без конца! Взгляните, кто слушит!.. Какой-то посетитель? А!.. Плюньте на него! Закройте крепче дверь, — Пусть подождёт!.. Садитесь и сидите, я вас не скоро опущу теперь. Вы мне поможете развлечься до обеда. Что? Телефон? А... пусть его трещит! Мы у Морквиных хотим собраться в среду. Вам Лёвушка об этом сообщит. Бессовестный! Сидит — и ничего не скажет о том, как выгляжу, идёт ли мне костюм! Что? Изменилась я? Нет, правда, я всё та же?.. Кто там ещё? Товарищ, что за шум! Закройте дверь! Оставьте нас в покое!!! Вот так весь день: народ, звонки, ругня... Ну, расскажите что-нибудь смешное! Ну, пожалейте, миленький, меня!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

цию омоложения на 10 лет местный финотдел, совершив таким образом некоторую финансовую операцию с налогами.

«Так что, — пишет мать, — теперь тебе ясно, дорогой сынок, над кем следует смеяться.»

В. ЛАБОРЕВ

ППС 26845 Б.

Рис. И. Семёнова

— Не угодить на этого Петрова. Изловчился получить вагон дров, полтонны сахара, два отреза, квартиру из пяти комнат, а он всё кричал: «Мало!» А на днях получил десять лет, так он закричал: «Много!»

РАССКАЗ ГВАРДИИ РЯДОВОГО ВЛАСОВА ПЕТРА О ТОМ, КАК ОН ЗА «ЯЗЫКОМ» ХОДИЛ

2773

— Вот сижу я, значит, братцы,
под покровом темноты.
Слышу:
шорох...
Вижу, братцы,
немец лезет...
— Ну, а ты?
— Ну, а я конечным делом
притаился меж сосён.
Белый снег, и я весь в белом.
Жду бандита...
— Ну, а он?
— Ну, а он ползёт по лесу:
Только вижу я, братцы,
больно много в немце весу,
как бугай он...
— Ну, а ты?

— Ну, а я по весу муха!
Как полезешь на рожон?
Ах, ты, думаю, поруха,
Как с ним сладить?..
— Ну, а он?
— Ну, а он всё ближе, ближе.
Только вижу я, братцы,
брюхом он лежит на пылке,
снег глубокий...
— Ну, а ты?
— Ну, а я решил упрямо:
звать живьём его должён!
Автомат наставил прямо,
будь, что будет...
— Ну, а он?
— Ну, а он совсем уж рядом,

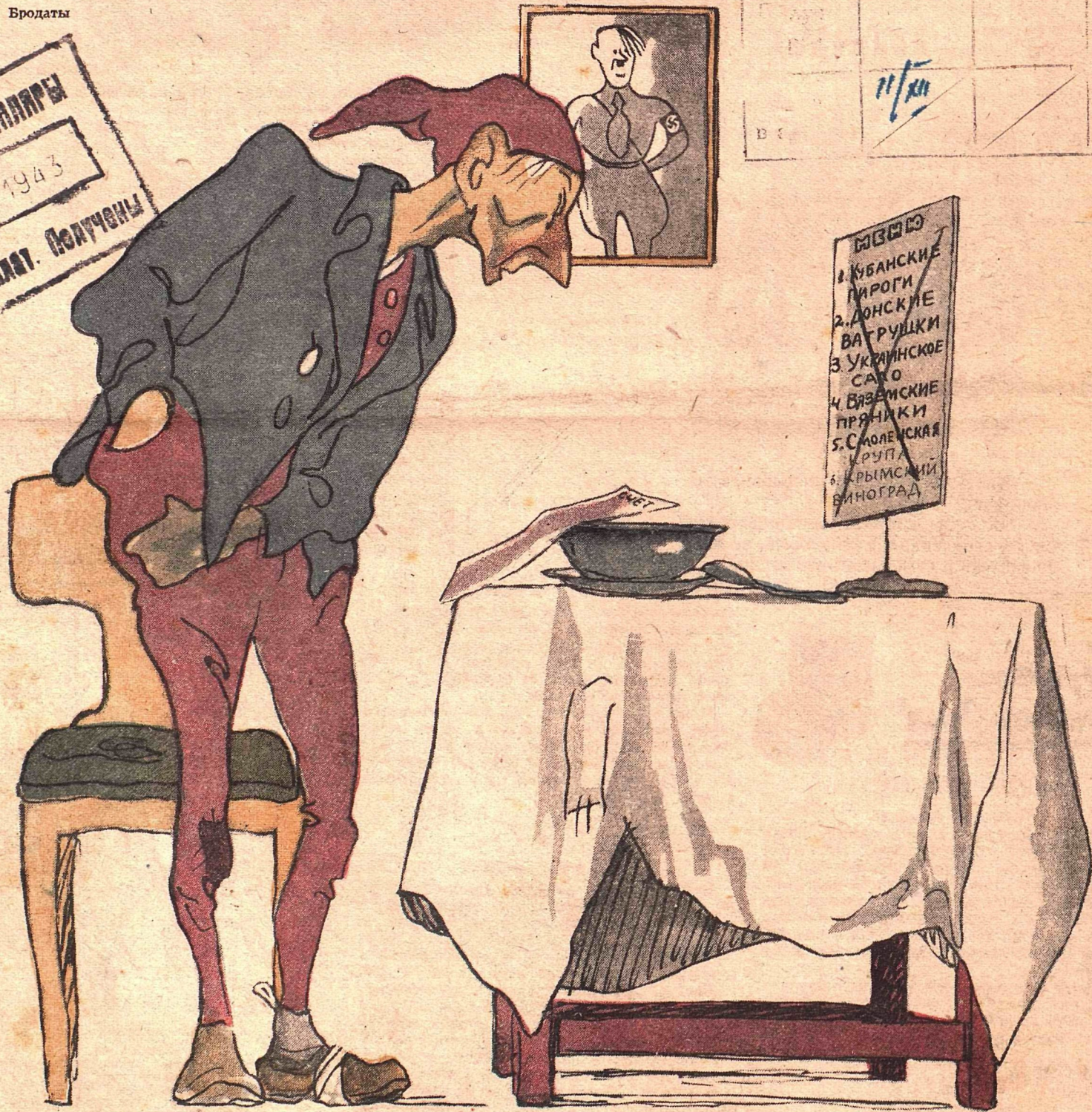
норовит свернуть в кусты,
вертит, вижу, волчьим взглядом,
подползает...
— Ну, а ты?
— Тут меня и осенило!
Взял я в бок одним прыжком
и на немца
на верзилу.
прямо смаху сел верхом.
«Хальт! — кричу. — Не то стреляю!
Ходу, чортова душа!»
И к затылку приставляю
Свой заветный «Пе-Пе-Ша».
— Ну, а он?...
— Куда ж деваться?
Подчинился мне, подлец.
И повёз меня он, братцы,

Как хороший жеребец.
Запотел,
кряхтит,
кривится,
на груди гремят кресты.
Еду я версту на фрице,
еду, братцы, две версты.
Молит фриц, бормочет что-то:
дескать, выдохся, калут.
«Ничего, — кричу, — работай!
Отдохнёшь, мол, да не тут!»
Ох, уж утром было смеху!
Из лесочка, под уклон
так на немце я и въехал
в свой гвардейский батальон.

ФЮРЕР НАКОРМИЛ!

Рис. Л. Бродаты

Всё на. Малют. Получены
9 Дек 1943

— Странное дело: счёт растёт, а меню всё уменьшается.

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. №800 Подл. к печати 23/ХІ. 1943 г. Статформат 72×105 см. Печ., л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000
А 3822 Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2640. Тираж 100 000 экз.